

«УЖАСНЫЙ ДЕНЬ СМЕРТИ БРАТА... ОСТАНЕТСЯ ДЛЯ МЕНЯ ЛУЧШИМ ДНЁМ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Письмо будущего императора князю Мещерскому

Как известно, в первые двадцать лет своей жизни великий князь Александр Александрович не подозревал, что ему когда-нибудь придётся стать императором. У него был старший брат Николай, который с 1855 года и являлся наследником престола. Современники и преподаватели отмечали значительные успехи Николая Александровича в подготовке к государственной деятельности¹. Однако жизнь наследника трагически оборвалась, когда ему не исполнилось и 22 лет.

В ноябре 1864 года, во время заграничного путешествия, Николай Александрович оказался в Ницце, где находилась его мать императрица Мария Александровна. Там, мучимый острой болью в спине, он слёг в постель. Врачи уверяли императрицу, что у её сына ревматизм, но 5 апреля 1865 года (здесь и ниже даты указаны по старому стилю) наследника поразил удар (как в то время называли инсульт). 8 апреля в Ниццу приехал Александр Александрович, однако врачи не пустили его к брату, боясь потревожить больного. 10-го прибыли Александр II, великие князья Владимир и Алексей Александровичи и 17-летняя невеста цесаревича — датская принцесса Дагмар, будущая императрица Мария Фёдоровна.

В тот же день на вилле Бермон, где находился больной, состоялся консилиум, в котором участвовали лейб-медики Ф. Я. Карель и Н. Ф. Здекауер, местные врачи Циммерман и Рерберг, знаменитый хирург Н. И. Пирогов, лейб-акушер К. К. Гартман и личный врач цесаревича Н. А. Шестов. Двое последних отстаивали мнение, что болезнь наследника есть «не что иное, как застарелый ревматизм в спинных мускулах, усложнённый местной злокачественной лихорадкой (malaria)». Остальные же склонялись к угрожающему диагнозу «воспаление головного и спинного мозга (meningitis cerebrospinalis)»².

Утром 11 апреля у постели умиравшего наследника собрались его родители, братья, сестра, другие родственники и невеста. Великий князь был в сознании, он причастился и простился со всеми. 15-летний Алексей Александрович записал в дневнике, что, обмениваясь рукопожатием с братом Александром, цесаревич сказал отцу: «Славный, хороший человек»³. Увидев же невесту, он, по свидетельству очевидца, «долго обнимал её, покрывая поцелуями и повторяя: «Моя милая, душка моя, ангел мой!»⁴

По настоянию Пирогова цесаревичу несколько раз давали мускус. Знаменитый хирург был уверен, что нельзя «терять надежды до тех пор, пока в больном не перестанет биться сердце»⁵. Однако организм наследника не принимал мускус, и Дагмар, стоя на коленях, вытирала платком рот и подбородок жениха.

Вскоре цесаревич впал в забытие, и рядом с ним остались только родители, брат Александр и Дагмар. Около полуночи началась агония, и в десять минут первого ночи 12 апреля Николай Александрович скончался. В патологоанатомическом заключении, подписанном 14 апреля врачами И. Опольцером, Пироговым, Здекауером и Карелем, значилось, что «как окончательный период развития болезни надо рассматривать бугорчатое воспаление оболочек головного и спинного мозга (Meningitis cerebrospinalis tuberculosa)»⁶.

Смерть наследника потрясла русское общество⁷ и членов императорской фамилии. По мнению Л. Г. Захаровой, реформаторские усилия императора Александра II после кончины его старшего сына «утратили прежнюю энергию и инициативу»⁸. Императрица же Мария Александровна, как вспоминала её золовка, от горя «перестала быть похожей на себя»⁹.

Кончина брата сильно повлияла и на 20-летнего Александра Александровича, который стал теперь наследником престола. «Из крепкого и цветущего юноши, каким он был, он стал почти таким же бледным и измождённым, как бедный умерший»¹⁰, — писала 15 апреля фрейлина Анна Тютчева своему будущему супругу, публицисту Ивану Аксакову.

Никса (так звали цесаревича близкие родственники) был надёжной опорой и авторитетным примером для брата Александра. «Я одного прошу у Бога, — писал тот 13 февраля 1865 года Николаю, — это то, чтобы мы всегда оставались в тех отношениях

Наследник цесаревич Николай Александрович со своей невестой принцессой Дагмарой, будущей императрицей Марией Фёдоровной и супругой Александра III.

Великий князь Александр Александрович —
князю В. П. Мещерскому

Ницца 1865 года
12/23 апреля²¹.

Любезный Владимир Петрович, вчера наступил для нас всех, а для меня в особенности, ужасный день смерти брата и моего единственного друга. Этот день останется для меня лучшим днём моей жизни. Приятно было быть всё время у постели²² умирающего. Я и его невеста стояли всё время на коленях у его постели. Он держал всё время меня за руку и крепко жал её, хотя был уже без памяти. Утром ещё он разговаривал со мною и так радовался видеть меня, дал мне руку и долго держал её. Но самое трогательное было свидание его с невестой, как он её целовал, ласкал и был совершенно счастлив. К счастью, он, кажется, не очень страдал, хотя дышал очень тяжело и всё время его рвало порошками мускуса, которые он принимал 5 или 6 раз. Какая тоска теперь у меня на душе, не знаешь, что делать, куда деваться. Жить без брата, которого любил больше всего на свете, тяжело, и я не думаю, чтобы я когда-нибудь утешился; мысль, что моего милого друга и брата нет уже на земле, не даст мне покоя.

Простите, что я Вам не писал раньше, но, правда, было не до этого. Делу я Вам не написал, потому что Владимир передал мне Ваше письмо только сегодня, за которое я Вас и благодарю²³. Ваше письмо к Наследнику я не мог ему отдать, потому что он был уже очень плох, когда я приехал.

Теперь все выехали из виллы *Bermont*, где лежит мой милый брат, остался пока я один, и то думаю перебраться в другой дом, когда перевезу тело в церковь. Пока он здесь, отрадно быть в одном доме с ним, — а потом будет грустно возвращаться в пустой дом. Вы меня простите, если я Вам признаюсь, что прочёл письмо Ваше к умершему брату. Я хотел рыдать, когда читал его, но у меня слёзы теперь трудно идут, это ужасное чувство.

Ницца чудно хороша, воздух дивный, днём жара нестерпимая. Но теперь всё грустно, ни на что не могу смотреть без грусти и ужасной тоски в сердце. Кто из нас думал об этом ужасном ударе за неделю ещё до моего приезда сюда. Никсе было уже так хорошо, что думали ехать во вторник на той неделе в Комо, куда ездил уже Ф. А. Оом²⁴ и нанял дачу, как вдруг в понедельник он занемог так опасно. Доктора всё время были не согласны, одни говорили, что у него было поражение мозга, другие — что у него была лихорадка, название которой я забыл, кажется, *Malaria*. Но первое вернее.

До грустного и тяжёлого свидания, любезный Владимир Петрович. Со слезами на глазах писал я Вам это письмо.

Александр.

ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1503. Л. 1–2 об. Подлинник. Автограф. Чернила.

друг к другу, как прежде и в настоящую минуту»¹¹. Сам же цесаревич Николай говорил матери, что иногда не мог понять, кого любит больше — невесту или младшего брата¹², которого в своём последнем письме от 4 марта шуточно назвал «милый бататырь»¹³.

Для осмысления того, как воспринял будущий император смерть старшего брата, большое значение имеет его письмо 26-летнему князю Владимиру Петровичу Мещерскому от 12 апреля 1865 года, которое не вошло в самую полную публикацию писем великого князя Александра Александровича к Мещерскому¹⁴.

Князь, служивший чиновником особых поручений при министре внутренних дел, был другом сыновей Александра II. Он познакомился с ними по протекции императрицы Марии Александровны в 1861 году, а уже через год «занимал достаточно прочное положение в узком кругу наиболее приближённых к императорской семье лиц»¹⁵. В 1863-м Мещерский близко сошёлся с великим князем Александром Александровичем, которого ему «поручил» сам цесаревич¹⁶. И в апреле 1865 года именно в письме к нему новый наследник престола излил свои чувства после смерти брата. Впоследствии Мещерский неоднократно упоминал об этом послании в своих письмах Александру Александровичу и писал, что оно для него «было и есть святыня»¹⁷.

На это письмо обратил внимание И. В. Зимин, изучавший образование Александра Александровича. По его мнению, великий князь научился грамотно писать, но не мог правильно выразить свои мысли. «Формулировки, когда в одном предложении «ужасный день» мирно уживался с «лучшим днём», можно объяснить только пережитым волнением...»¹⁸ Однако 19 апреля Мещерский отвечал Александру, что в словах того о лучшем дне жизни «выразилась вполне»¹⁹ его, Александра, душа. Действительно, вспоминая 24 марта 1866-го о кончине старшего брата, Александр Александрович записал в дневнике: «Последние часы его жизни были для меня каким-то отрадным, тяжёлым и грустным чувством»²⁰. Таким образом, письмо Мещерскому из Ниццы отражает не столько путаницу мыслей автора, сколько противоречивые эмоции, которые он испытывал. Именно поэтому текст письма нуждается в полной публикации.

Публикация осуществляется по подлиннику, который хранится в Отделе рукописей РНБ, в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации. Исправление явных ошибок в тексте не оговаривается. Авторская правка стилистического характера не оговаривается.

Публикацию подготовил Фёдор Мелентьев

Примечания

1. Чернуха В. Г. Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб. 1999. С. 236–246.
1. Татищев С. С. Детство и юность Великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. М. 2002. С. 437, 394, 428.
3. ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Д. 83. Л. 72 об.
4. Болезнь и кончина наследника цесаревича Николая Александровича. 1865. Письма Анны Фёдоровны Тютчевой в Москву к К. П. Победоносцеву и к сестре её Екатерине Фёдоровне // Русский архив. 1905. № 6. С. 295.
5. Из дневника Н. П. Литвинова // Исторический вестник. 1907. Т. 107. № 1. С. 48.
6. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 561. Л. 213.

- См. также: Зимин И. В. Болезнь и смерть цесаревича Николая Александровича // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 140–147; Каганов Б. С. Наследник: неожиданная болезнь и трагическая смерть, или Грустный рассказ о том, как туберкулёз изменил ход истории Российской империи // Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы. М. 2014. С. 186–208.
7. Секиринский С. С., Филиппова Т. А. Родословная российской свобододы. М. 1993. С. 89–92; Лейбов Р. Г., Осоват А. Л. Стихотворение Тютчева «Сын царский умирает в Ницце...»: жанр, сюжет, контексты // Russian Literature. 2003. Vol. 54. № 4. Р. 484–486.
 8. Захарова Л. Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М. 2011. С. 671.
 9. Сон юности. Воспоминания великой

- княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 276.
10. ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1179. Л. 1 об. Текст подлинника на французском языке. 11. Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.
12. Из дневника Н. П. Литвинова. С. 47.
13. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 139 об.
14. Some Russian Imperial Letters to Prince V. P. Meshchersky (1839–1914) // Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. 10. P. 105–158.
15. Черникова Н. В. Князь В. П. Мещерский и Александр III (история одной дружбы) // Cahiers du Monde russe. 2002. Vol. 43. № 1. P. 105.
16. Мещерский В. П. Мои воспоминания. М. 2003. С. 167.
17. Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. М. 2014. С. 501.
18. Зимин И. В. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов

- и их окружение. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М. 2011. С. 150. См. также: Девятов С. В., Зимин И. В. Двор российских императоров. Энциклопедия жизни и быта. Т. 1. М. 2014. С. 568.
19. Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М. 2011. С. 101.
20. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 188.
21. Александр Александрович ошибся при переводе даты на новый стиль. В XIX в. 12 апреля старого стиля соответствовало 24 апреля нового стиля.
22. Далее зачёркнута буква «б». Вероятно, предполагалось написать «б[ольного]».
23. В письме от 6 апреля Мещерский просил Александра телеграфировать о состоянии здоровья наследника.
24. Оом Фёдор Адольфович (1826–1898) — секретарь цесаревича Николая Александровича.